

ИВАНОВ-РАЗУМНИК
ТВОРЧЕСТВО И КРИТИКА
СТАТЬИ КРИТИЧЕСКИЕ

1908-1922

ПЕТЕРБУРГ

"КОЛОС"

1922

14-я Государств, типогр. Пят. Социалистич., 14. Р. Ц. No 816. Тир. 2000

ТВОРЧЕСТВО И КРИТИКА

Творчество и критика.

Часто приходится слышать, что вопросы психологии творчества--то самое шеллингианское "Абсолютное", в котором, по язвительным словам Гегеля, все кошки серы... Не буду спорить с этим: да, психология творчества--пока еще темная область; но напрасно думать, что она темна только для теоретически изучающих ее. Полно, так-ли? Не еще ли темнее она для самого "творящего", для художника?

Когда я вчитываюсь в любое из выдающихся произведений литературы, то мне всегда припоминается одно место из "Горе от ума". Помните слова Софьи про Молчалина и ответ Фамусова: "шел в комнату, попал в другую..."--Попал или хотел попасть?"--Ну так вот, мне думается, что всякий большой художник совершенно произвольно всегда "падает в другую комнату", пройдя через ту, в которой был намерен остановиться... Софья сказала неправду: Молчалины попадают--и в жизни и в литературе--именно в ту комнату, в которую идут: возьмите всю умеренно-аккуратную, среднюю, рядовую беллетристику, публицистику, поэзию--какое умение попадать в заранее намеченную цель! И возьмите истинного художника--какое подчас страстное желание ограничить себя определенными рамками, и какое бессилие, какое неумение сказать только то, что было сознательно задумано!

Яркий пример этого я сейчас приведу, а пока замечу, кстати, вот что: если все это так, то отсюда выясняется и задача критики. Что для нее важнее определить: куда художник "попал" или куда он "хотел попасть"? Конечно, важно и то и другое, и нельзя пройти мимо вопроса, что хотел сказать художник в своем произведении; но бесконечно важнее другая задача критики--определить не то, что хотел сказать художник, а то, что он сказал и высказал, быть может, сам того не подозревая, не сознавая.

Темная область--психология творчества; но, во всяком случае, в ней твердо установлен один существенный факт: в процессе всякого художественного творчества сознательное я часто вверяет себя руководству подсознательных элементов. Я даже так скажу: быть может, чем больше влияние этих подсознательных элементов, тем больше художественная и всякая иная значимость произведения. Не подумайте, что я собираюсь воскресить старую романтическую теорию поэтического "экстаза", "вдохновения", при котором художник сразу начисто пишет под диктовку свыше и не в права переменить ни одного слова в написанном, иначе-де это будет "мертвая рефлексия". Конечно, нет. "Творчество" состоит далеко не в одном бряцании рассеянной рукой по лире, но и в мучительном труде воплощения образов в слово: "и слово плоть бысть"... Вспомните черновые тетради Пушкина. Все это так. Но вот яркий пример объяснит мою мысль: Толстой. Толстой, беспощадно марающий и десятки раз переделывающий свои произведения, с удивлением признает в своем творчестве власть этих произвольных, подсознательных элементов. Письма, дневник, заметки Толстого шестидесятых-семидесятых годов--что за материал для понимания "творчества"! Напомню его удивительное письмо к Страхову (26 апр. 1876 г.), в разгар работы над "Анной Карениной". Толстой пишет: "...каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна и без того